

ДЖОРДЖ ГОРДОН
БАЙРОН

АБИДОССКАЯ
НЕВЕСТА

«Абидосская невеста» — великолепное произведение из цикла «Восточные поэмы» величайшего английского поэта Джорджа Байрона (англ. George Noel Gordon Byron, 1788–1824).***

Зулейка, дочь старого султана, бежит со своим возлюбленным братом Селимом от отца, который хочет выдать ее замуж за другого. Но Селим предстает перед ней в совсем другом обличи... На написание этой романтической поэмы поэта вдохновило его путешествие по странам Востока. Поэма полна ярких описаний прекрасной восточной природы и неповторимого местного колорита.

Всемирную славу Джорджу Байрону принесли также произведения «Манфред», «Шильонский узник», «Пророчество Данте», «Чайльд Гарольд», «Мазепа», «Корсар», «Дон Жуан», «Каин», «Марино Фальеро».

Джордж Гордон Байрон считается символом европейского романтизма, «Прометеем нового времени». В творчестве этой загадочной личности пессимизм и мотивы «мировой скорби» удивительным образом сочетаются со свободолобием и революционным духом. Его произведения переведены на многие языки мира и уже несколько веков продолжают покорять сердца читателей.

Джордж Байрон АБИДОССКАЯ НЕВЕСТА

Турецкая повесть

*Не люби мы упоенно,
Не люби мы ослепленно.
Встреч не знай мы иль разлуки, —
Не терзали б сердце муки.*

Перевод Г. Шенгели.

*Бернс
Достоуважаемому лорду Холланду
Эту повесть посвящает
С чувством истинного уважения
Его искренно благодарный друг
Байрон*

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

I

Кто знает край далекий и прекрасный,
Где кипарис и томный мирт цветут
И где они как призраки растут
Суровых дел и неги сладострастной,
Где нежность чувств с их буйностью близка,
Вдруг ястреб тих, а горлица дика?
Кто знает край, где небо голубое
Безоблачно, как счастье молодое,
Где кедр шумит и вьется виноград,
Где ветерок, носящий аромат,
Под ношею в эфире утопает,
Во всей красе где роза расцветает,
Где сладостна олива и лимон,
И луг всегда цветами испещрен,
И соловей в лесах не умолкает,
Где дивно все, вид рощей и полян,
Лазурный свод и радужный туман,
И пурпуром блестящий океан,
И девы там свежее роз душистых,
Разбросанных в их локонах волнистых?
Тот край — Восток, то солнца сторона!
В ней дышит все божественной красою,
Но люди там с безжалостной душою;
Земля как рай. Увы! Зачем она —
Прекрасная — злодеям предана!
В их сердце месть; их повести печальны,
Как стон любви, как поцелуй прощальный.

II

Собрав диван, Яфар седой
Сидел угрюмо. Вкруг стояли
Рабы готовую толпой
И стражей быть и мчаться в бой.
Но думы мрачные летали
Над престарелою главой.
И по обычаям Востока,
Хотя поклонники пророка
Скрывают хитро от очей
Порывы бурные страстей —
Все, кроме спеси их надменной;
Но взоры пасмурны, смущенны
Являли всем, что втайне он
Каким-то горем угнетен.

III

«Оставьте нас!» — Идут толпою. —
«Гаруна верного ко мне!»
И вот, Яфар наедине
Остался с сыном. — Пред пашою
Араб стоит: — «Гарун! Скорей
Иди за дочерью моей
И приведи ко мне с собою;
Но пережди, чтоб внешний двор
Толпа военных миновала:
Беда тому, чей узрит взор
Ее лицо без покрывала!
Судьба Зулейки решена;
Но ты ни слова; пусть она
Свой жребий от меня узнает».
«Что мне паша повелевает,
Исполню я». Других нет слов
Меж властелина и рабов.
И вот уж к башне отдаленной
Начальник евнухов бежит.
Тогда с покорностью смиренной
Взяв ласковый и нежный вид,
Умильно сын к отцу подходит
И, поклонясь, младой Селим
С пашою грозным речь заводит,
С почтеньем стоя перед ним.
«Ты гневен, но чужой виною,
Отец! Сестры не упрекай,
Рабыни черной не карай...
Виновен я перед тобою.
Сегодня раннею зарей
Так солнце весело играло,
Такою светлою красой
Поля и волны озаряло,
Мой сон невольно от очей
Бежал; но грусть меня смущала,
Что тайных чувств души моей

Ничья душа не разделяла;
Я перервал Зулейки сон, —
И как замки сторожевые
Доступны мне в часы ночные,
То мимо усыпленных жен
Тихонько в сад мы убежали, —
И рощи, волны, небеса
Как бы для нас цвели, сияли,
И мнилось: наша их краса.
Мы день бы целый были рады
Вдаваться сладостным мечтам,
Междуна сказки, песни Сади
Еще милей казались нам, —
Как вещей грохот барабана
Мне вдруг напомнил час дивана, —
И во дворец являюсь я:
К тебе мой долг меня приводит.
Но и теперь сестра моя —
Задумчива — по рощам бродит.
О, не гневись! Толпа рабов
Гарем всечасно охраняет,
И в тихий мрак твоих садов
Лукавый взор не проникает».

IV

«О сын рабы!» — паша вскричал:
«Напрасно я надеждой льстился,
Чтоб ты с годами возмужал.
От нечестивой ты родился!
Иной бы в цвете юных дней
То борзых объезжал коней,
То стрелы раннею зарею
Бросал бы меткою рукою,
Но грек не верой, грек душой,
Ты любишь негу и покой,
Сидишь над светлыми водами
Или пленяешься цветами;
Ах! признаюсь, желал бы я,
Чтоб, взор ленивый веселя,
Хотя б небесное светило
Твой слабый дух воспламенило!
Но нет! Позор земли родной!
О! если бурною рекой
Полки московитян нахлынут,
Стамбула башни в прах низринут
И разорят мечом, огнем
Отцов заветную обитель!
Ты, грозной сечи вялый зритель,
Ты лен пряди, — и стук мечей
Лишь страх родит в душе твоей;
Но сам ты мчишься за бедою;
Смотри же, чтоб опять с тобою
Зулейка тайно не ушла!..
Не то — вот лук и вот стрела!»

Уста Селимовы молчали;
 Но взор отцов, отцова речь
 Убийственной, чем русский меч,
 Младое сердце уязвляли.
 «Я сын рабы? Я слаб душой!
 Кто ж мой отец?.. Давно б иной
 Пал мертвый за упрек такой».
 Так думы черные рождались,
 И очи гневом разгорались,
 И гнева скрыть он не хотел.
 Яфар на сына посмотрел —
 И содрогнулся... Уж являлась
 Кичливость юноши пред ним;
 Он зрит, как раздражен Селим
 И как душа в нем взбунтовалась.
 «Что ж ты ни слова мне в ответ?
 Я вижу все: — отваги нет,
 Но ты упрям, а будь ты смелый
 И сильный, и годами зрелый,
 То пусть бы ты свое копье
 Переломил — хоть о мое».
 И взгляд презренья довершает
 Паши насмешливый укор;
 Но дерзкий вид, обидный взор
 Селим бесстрашно возвращает, —
 Сам гордо на него глядит,
 Гроза в очах его горит,
 И старец взоры опускает,
 И с тайной злобою молчит.
 «Он мне рожден для оскорбления,
 Он мне постыл со дня рожденья,
 Но что ж? — Его без силы длань
 Лишь серну дикую и лань
 Разит на ловле безопасной;
 Его страшиться мне напрасно.
 Ему ли с робкою душой
 За честь лететь на страшный бой?
 Меня кичливость в нем смущает,
 В нем кровь... чья кровь?.. Ужель он знает?..
 В моих очах он, как араб,
 Как в битвах низкий, подлый раб;
 Я усмирю в нем дух мятежный! —
 Но чей я слышу голос нежный?..
 Не так пленителен напев
 Эдемских светлооких дев.
 О, дочь! Тобою жизнь яснее.
 Ты матери своей милее, —
 С тобою мне, под сумрак лет,
 Одне надежды, горя нет;
 Как путника в степи безводной
 Живит на солнце ключ холодный,
 Так веселит взор жадный мой
 Явленье пери молодой.
 Какой поклонник в поднебесной
 Перед гробницею чудесной

Пророка пламенной молил!
Кто так за жизнь благодарил,
Как я за дочь, мою отраду,
Его прекрасную награду?
Дитя мое... О, сладко мне
Благословенье дать тебе!»

VI

Пленительна, светла, как та мечта живая,
Которая с собой несет виденья рая
Страдальца горестным, призраков полным сном,
И радуется тоску, что встреча есть сердцам,
Что в небе отдана отрада нам земная,
Мила, как память той, чей свят бесценный прах,
Чиста, как у детей молитва на устах —
Была Яфара дочь. — Заплакал вождь угрюмый,
Когда она вошла, и не от мрачной думы.
Кто сам не испытал, что слов на свете нет —
Могучей красоты изобразить сиянье?
Предстанет ли пред кем? В душе очарованье,
Бледнеет, и в очах затмится божий свет,
И, сладостно томясь, веселый и унылый,
Он сердцем признает всю власть чудесной силы.
Зулейка так блесит той прелестью молодой,
Которой имя нет, безвестной ей одной,
Невинностью цветет, любовью пламенеет,
И музыка у ней с лица как будто веет,
И сердце нежное льет жизнь ее красам.
А взор? — О, этот взор — он был душою сам!
Она вошла — главу склонила
И руки белые крестом
На перси чистые сложила, —
И перед сумрачным отцом
С улыбкою смиренной стала,
И на плечо к нему припала,
И белоснежною рукой
Приветно старца обнимала.
Лаская дочь, Яфар немой,
Унылый, — дело начатое
Уже готов был отменить;
Яфар боялся погубить
Ее веселье молодое;
Он чувством был прикован к ней:
Но гордость в нем всех чувств сильней.

VII

«Зулейка — сердца утешенье!
Тебе сей день докажет вновь
Мою отцовскую любовь;
С тобой мне тяжело разлученье;
Но я, забыв печаль мою,
Тебя в замужество отдаю;

Жених твой славен, — меж военных
Он всех храбрей; Осман рожден
От древних, доблестных племен,
От Тимарьетов неизменных,
Никем, нигде непобежденных;
И словом, я тебе скажу,
Он родственник Пасван-оглу.
До лет его какое дело!
Не юноши искал я сам;
Тебе ж приданое я дам,
Которым ты гордися смело.
Когда ж все будет свершено, —
И наши силы заодно,
То посмеемся мы с Османом
Над жизнь отъемлющим фирманом:
Лишь головы не сбережет,
Кто в дар снурок к нам привезет.
Теперь моей внимая воле,
Послушна мне, ему верна,
Уже ты с ним искать должна
Любви и счастья в новой доле».

VIII

И дева юною главой
Безмолвна робкая поникла,
И весть разящею стрелой,
Казалось, грудь ее проникла.
В смятеньи тяжком и немом
И чувствам воли дать не смея,
Она стояла пред отцом
Бледна, как ранняя лилея;
И вздох прокрался, — на щеках
Зарделись девственные розы
И на потупленных очах
Невольню навернулись слезы.
Что может, что с твоей красой,
Румянец девственный, равняться!
И жалость нежная тобой
Всегда готова любоваться!
И что, что может так пленять,
Как слезы красоты стыдливой!
Их жаль самой любви счастливой
Лобзаньем страстным осушать!
Но уж о том, как с ней одною
Селим в саду гулял зарею,
Иль не хотел, иль позабыл,
Яфар совсем не говорил. —
Он трижды хлопает руками,
Чубук в алмазах с янтарями
Раbam вошедшим отдает;
Уж конь его арабский ждет,
Он бодро на него садится,
И в поле чистое летит —
Смотреть воинственный джирид;
Пред ним, за ним несется, мчится